

ДЖЕЙМС КОМПТОН

СВАСТИКА И ОРЕЛ.
ГИТЛЕР, РУЗВЕЛЬТ И
ПРИЧИНЫ ВТОРОЙ
МИРОВОЙ ВОЙНЫ.
1933-1941

Джеймс КОМПТОН

**Свастика и орел. Гитлер,
Рузвельт и причины Второй
мировой войны. 1933-1941**

«Центрполиграф»

Комптон Д.

Свастика и орел. Гитлер, Рузвельт и причины Второй мировой войны. 1933-1941 / Д. Комптон — «Центрполиграф»,

В своей книге Комптон исследует, каким образом США влияли на внешнюю политику Гитлера и какую роль это влияние сыграло в превращении европейской войны во Вторую мировую, когда Рузвельт и Гитлер стали противниками уже на поле боя. Автор со всей полнотой раскрыл события, предшествовавшие началу военных действий, прослеживая ряд общих дефектов и парадоксов политики и стратегии фюрера. Работая над этой темой, Комптон изучил немецкие архивы, исследовал доклады дипломатов и документы военно-морского и армейского руководства.

Содержание

Введение	5
Часть первая	7
Глава 1	7
Глава 2	18
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Джеймс Комптон

Свастика и орел. Гитлер, Рузвельт и причины Второй мировой войны. 1933—1941

Эта книга посвящена моей матери и памяти моего отца, Льюиса Комптона, помощника секретаря, а потом секретаря военно-морского флота с 1939 по 1941 год, который видел надвигающуюся опасность и не сидел сложа руки.

Введение

Адольф Гитлер и Франклин Рузвельт пришли к власти примерно в одно и то же время, пообещав своему народу радикальные реформы, которые должны были вывести их страны из политического и экономического кризиса. Оба этих лидера были так сильно поглощены внутренними преобразованиями, что военное столкновение между Германией и Америкой в ближайшем будущем представлялось совершенно невозможным. Тем не менее напряженность в отношениях между двумя странами все время росла и стала особенно сильной после начала войны в Европе в 1939 году. 11 декабря 1941 года немецко-американская холодная война сменилась боевыми действиями, которые продолжались вплоть до безоговорочной капитуляции Германии в 1945 году, спустя несколько недель после смерти Гитлера и Рузвельта. Причины эскалации этой войны так никогда и не были по-настоящему изучены. Это противоречило всем поступкам Гитлера, всем его заявлениям по вопросам внешней политики Германии в целом и в отношении Соединенных Штатов в частности, начиная с самых первых, мюнхенских, дней его политической карьеры и кончая последними часами в берлинском бункере.

Задача этой книги состоит не в том, чтобы рассказать о немецко-американских отношениях в целом, а попытаться исследовать, каким образом Соединенные Штаты влияли на внешнюю политику Гитлера, и выяснить, какую роль это влияние сыграло в превращении европейской войны во Вторую мировую. Для этого мы должны выяснить, как относился к Америке сам Гитлер, а также министерство иностранных дел Германии, какое влияние оказали Соединенные Штаты на немецкую дипломатическую и военную политику европейских стран, а также стран, расположенных по берегам Атлантического и Тихого океанов, где столкновение интересов Германии и Америки было наиболее вероятным. И наконец, мы должны выяснить, могла ли сама Германия напасть на Соединенные Штаты.

С самого начала следует предупредить читателя, что эта тема сама по себе парадоксальна. Профессиональные дипломаты и люди, с которыми общался Гитлер и его окружение, представляли себе Америку совершенно по-разному. Мы увидим, что Гитлер много раз открыто выражал презрение к этой стране и в то же время в своих расчетах вынужден был принимать ее во внимание. Мы хорошо знаем, что он был храбрецом на суше, но панически боялся воды; хорошо знал положение дел в Европе, но очень плохо представлял себе обстановку на других материках. Гитлер настороженно относился к идее подводной войны в Атлантике и совершенно безрассудно вел себя по отношению к своему союзнику на Тихом океане – Японии. И наконец, он не мог скрыть своей радости, объявив Америке войну, которую раньше считал совершенно невозможной и на которой потом, вопреки всякой логике, настоял. Из-за этих противоречий обсуждение американской и немецкой внешней политики в ту пору, когда европейский конфликт перекинулся на весь мир, нельзя вести без некоторой доли иронии.

В ходе нашего исследования нам придется столкнуться со всеми аспектами загадки под названием Гитлер. Мы увидим, что его заявления вряд ли можно использовать в качестве исторических документов; перед нами предстанет человек, который в одних случаях тщательно планировал свои поступки, а в других – поступал чисто импульсивно. Мы выясним, какое место занимала нацистская идеология в делах рейха и какую роль на самом деле играл фюрер во внешней и внутренней политике Германии. Задача этой книги заключается в том, чтобы, изучив один аспект немецкой политики, разгадать этот парадокс и в очередной раз пролить свет на причины Второй мировой войны.

Часть первая

Гитлер и Соединенные Штаты

Глава 1

Гитлер и американцы

Изучая отношение Гитлера к Соединенным Штатам, мы черпали информацию из двух источников: его собственных высказываний и свидетельств современников, которые беседовали с ним об Америке. Оба источника имеют свои недостатки. Идеи Гитлера, содержащиеся в его книгах, начиная с «Майн кампф» и кончая «Завещанием», были высказаны в период времени, начавшийся стычками с политическими противниками в пивных Мюнхена, приведшими Гитлера к верховной власти в стране и военным победам, и завершившийся позорным концом в берлинском бункере. Он высказывался в самых различных обстоятельствах и, будучи опытным политиком, часто говорил и писал то, что должно было произвести наибольшее впечатление на его слушателей, будь это толпы, собравшиеся на стадионе в Нюрнберге, или небольшая группа военных советников за столом, заваленным стратегическими картами. Что касается второго источника, то не следует забывать, что память свидетелей часто бывает весьма обманчивой, особенно если человек ставит задачу оправдать свои поступки. Тем не менее из этих двух источников, а также из более надежных свидетельств, содержащихся в планах и политических документах Гитлера, которые мы обсудим в следующих главах, вырисовывается довольно четкая картина Америки, какой представлял ее Гитлер.

Представление фюрера об Америке основывалось на его общем политическом взгляде на мир. Его уверенность в том, что господства над людьми можно достичь только обладая огромной силой воли (которая для него, возможно, являлась самоцелью), его привычка бурно выражать на публике и в узком кругу свое возмущение, его недоверие к традиционным источникам информации (генералы, дипломаты и экономисты никогда не пользовались его любовью) – все это приводило к тому, что суждения Гитлера были ошибочными и субъективными, а его несомненные успехи дома и за границей только усиливали эту тенденцию. Современники фюрера или историки более позднего времени не находят согласия в вопросе о том, как он относился к планированию. Гитлер-игрок неотделим от расчетливого Гитлера. Скорее всего, он не видел никакого противоречия между своими главными целями и оппортунистической манипуляцией предложениями и приоритетами в соответствии с потребностями дня. Незыблемым оставался только его грубо-дарвинистский взгляд на международные отношения («Жизнь – это война»).

В дополнение к этим общим факторам надо учесть и те аспекты политики Гитлера, которые особенно влияли на его отношение к Соединенным Штатам: взгляд на основу власти, предлагаемый им путь решения немецкого вопроса и ориентация на Центральную Европу.

Во-первых, Гитлер рассматривал нацию скорее в терминах социальной и расовой динамики, а не в объективных экономических и военных терминах. Существование нации, по его мнению, «зиждется на расовом единстве народа, его подчинении лидерам и его стремлении к господству»¹. Поэтому Гитлер был противником тех политических систем, которые исповедовали равенство рас и допускали возможность их смешения и в основе которых лежали институты, создававшие препятствия для появления «мирового исторического лидера». Таким обра-

¹ Эти мысли он высказывал в «Майн кампф» и во «Второй книге». В одних случаях его расизм проявлялся в идеях расовой чистоты, а в других – в идеях расового превосходства. Он был уверен, что в США нет ни того ни другого.

зом, для фюрера парламентская демократия была системой, лишенной будущего. Он называл власть большинства «расовой трусостью», гражданские свободы – мошенничеством, свободу слова – угрозой для существования общества (как капиталистического, так и социалистического), а вся эта либеральная иллюзия в целом была для него порождением экономического неравенства и «еврейского интернационализма». Особенно много подобных проклятий сыпалось в адрес Америки.

Во-вторых, на представление Гитлера об Америке оказывали влияние его геополитические взгляды на способы решения немецкого вопроса. Рейхсканцлер считал, что в наше время сухопутные державы во всем превзошли морские, а империи, владевшие заморскими колониями, потеряли свое былое величие потому, что в XX столетии великой может стать только та страна, которая расширит территорию за счет своих соседей. Он был убежден, что торговый флот и заморскую торговлю, как символы могущества страны, сменили сухопутные дороги и огромные по численности армии. Пусть Великобритания по-прежнему тешит себя мыслью, что она является владычицей морей, для Гитлера старый лозунг сторонников создания в Германии военно-морского флота «Наше будущее – в господстве на море» был стратегической ересью. «Сухопутное» мышление фюрера, о котором мы расскажем в главе, посвященной военно-морской политике, всегда мешало ему осознать истинное значение Америки в мире.

Пребывая в убеждении, что ни господство на море, ни приобретение новых колоний не решит проблем Германии («я не пожертвую ни единым немецким солдатом, чтобы заполучить хотя бы одну колонию»²), Гитлер с презрением относился и к другим предлагавшимся ранее способам их решения, таким как восстановление рейха в границах 1914 года или внутренние экономические преобразования в любой форме (все это он называл «дилетантской болтовней»).

Еще в самом начале своей карьеры Гитлер решил, что проблему жизненного пространства можно разрешить только одним способом – присоединением к Германии земель в Восточной Европе: «Надо поднять меч ради плуга... Когда народ требует земли, он требует жизни»³.

Эта мысль, постоянно повторявшаяся в его речах, свидетельствовала о том, что все остальные идеи казались фюреру досадной помехой, отклонением от естественного пути развития Германии. Подчинение всех военных операций плану «Барбаросса» и завоеванию России, а также его убежденность (о которой он неоднократно заявлял) в том, что все остальное (в том числе капитуляция Англии и падение США) последует автоматически за победой на Востоке, представляют собой наиболее характерные черты внешней политики Гитлера в годы, непосредственно предшествовавшие вступлению Америки в войну.

Это естественным образом приводит нас к третьей составляющей политики Гитлера, касающейся Соединенных Штатов – каковы были размеры стратегического и политического мира в представлении фюрера. Центром этого мира была, конечно, Европа, но представляла ли она для него самоцель или должна была стать только базой для установления господства над миром? Ответить на этот вопрос с уверенностью нельзя. Подобно конечной стадии развития государства – коммунизму у Маркса, – представление Гитлера об устройстве послевоенного мира нигде не излагалось. Мы имеем только несколько весьма туманных и противоречащих друг другу высказываний Гитлера на этот счет, но они столь расплывчаты, что, кроме постоянных заявлений о необходимости установления немецкого господства на Украине, ничего другого из них выудить нельзя. Гитлер никогда не проявлял большого или устойчивого интереса к регионам, лежащим за пределами Европы. Он постоянно выражал свое безразличие к Африке (рассматривая ее только как источник сырья) и к Азии. Западным же полушарием, как мы еще

² Тем не менее он всегда был готов использовать вопрос о колониях для критики условий Версальского договора.

³ Даже в своем последнем приказе вермахту Гитлер никак не мог отказаться от идеи *Drang nach Osten* (поход на Восток): «Нашей целью было и остается завоевание для немецкого народа земель на Востоке».

увидим, Гитлер интересовался только тогда, когда в нем происходили какие-нибудь важные события⁴.

Такое отсутствие личного интереса к странам, лежащим за пределами Европы, подтверждалось почти полным отсутствием дипломатического и военного планирования в их отношении. Но мы имеем в виду только те годы, которым посвящено наше исследование, – вполне возможно, что фюрер заинтересовался бы другими регионами, если бы судьба позволила ему стать властелином Европы. Такую возможность мы рассмотрим в последней главе.

Таким образом, критерии национальной власти, которые заставляли Гитлера отвергать демократию, его одержимость идеей захвата земель на Востоке, вместо того чтобы попытаться решить проблемы Германии путем развития ее экономики и морской торговли, его стратегическая концентрация на Европе при относительном безразличии к другим регионам и создали у него те стереотипы, которые препятствовали формированию реального представления об Америке.

Что касается знаний Гитлера об Америке, то нам известно, что он получал их из нескольких источников. Часть этих знаний была, мягко говоря, отрывочной и весьма сомнительного происхождения. Следует признать, что его ранние представления об Америке, если они у него и были, составились на основе политических сплетен, которых он наслушался в пивных и кафе Вены и Мюнхена, а также запойного чтения газет. Гитлер как-то признался своему партийному товарищу Курту Лудеке, что, даже став рейхсканцлером, он с удовольствием читает романы об индейцах Карла Мая. Гитлер, разумеется, не знал английского языка и до своего прихода к власти встречался с американцами всего несколько раз. Тем не менее в 20-х годах он общался с двумя своими товарищами, которые хорошо знали Америку и которым Гитлер в те годы полностью доверял. Впрочем, в 30-х годах они вышли у него из доверия и во время войны отправились в ссылку в Америку. Одним из них был Курт Лудеке, в некотором смысле загадочная личность, державшаяся в стороне от партии. Лудеке много путешествовал и неоднократно приезжал в США в качестве неофициального фандрайзера⁵ и общественного ходатая за нацистов.

В беседе с Германом Раушнингем, бывшим лидером нацистов в Данциге, Гитлер сказал о Лудеке: «Он знает об Америке больше, чем все наше министерство иностранных дел». Вторым был более известный человек, с которым Гитлер дружил еще в молодости. Торговец предметами искусства, историк, окончивший Гарвард, пианист и бонвиван, выполнявший время от времени роль придворного шута в гитлеровском кругу, доктор Эрнст Ганфштенгль, который в конце концов стал специальным консультантом Гитлера по связям с американской прессой⁶.

В соответствии с обычаями немецкой элиты Лудеке и Ганфштенгль терпеть не могли друг друга, но каждый из них считал себя обязанным информировать Гитлера о Соединенных Штатах и навязывать ему свою точку зрения на то, какими должны быть отношения Германии с этой страной.

Опыт Курта Лудеке в качестве фандрайзера в Америке показал, что нацистам здесь надеяться не на что. Его попытки заставить раскошиться самого Генри Форда окончились полным крахом, а американцы немецкого происхождения и члены ку-клукс-клана оказались такими же несговорчивыми. Но, несмотря на свое неудачное «попрошайничество в Америке», как он сам называл свое турне, Лудеке написал Гитлеру, что разделяет его оптимизм по поводу

⁴ Риббентроп время от времени затрагивал вопрос о том, что мир разделен на два лагеря – советский блок и блок оси; говоря же о тех скромных владениях, которые Германия имела в Африке и откуда в Европу, которую покорит Германия, будет поступать сырье, Риббентроп заявлял, что больше никаких владений в Африке его стране не надо (беседа Риббентропа со Сталиным 13 октября 1940 г.).

⁵ Фандрайзер (*англ.*) – человек, который собирает деньги на какое-то предприятие.

⁶ У.Л. Ширеру, корреспонденту «Коламбия бродкастинг систем» в Берлине, Ганфштенгль совсем не понравился. Ширер назвал его «натянутым и бессвязным клоуном».

победы нацизма в этой стране. На основании своих поездок в Америку он сделал вывод (и, вероятно, не преминул поделиться им с Гитлером), что к этой стране нужен особый подход, поскольку ее история, социальные отношения и психология сильно отличаются от европейских. В Америке почти нет культурной традиции, американцы никогда не терпели поражений в войнах, и среди них очень сильно еврейское влияние. Луде же считал, что до Гражданской войны американцы были по преимуществу нордической расой, но потом начался приток альпийской, латинской и еврейской крови, и они стали не только «детьми тумана, но и солнца».

Лудеке предсказывал, что в конце концов обе эти Америки вступят в непримиримую борьбу, но в настоящее время идеи нацизма не нашли никакого отклика среди американцев, потому что иммигранты, которые приехали до 1870 года, уже успели американизироваться, а те, которые появились позже, представляют собой «отбросы немецкого общества». Он заявил также, что сейчас возникновение расового движения в Америке невозможно, а когда оно наконец появится, то возглавят его не немцы, а американцы. В ответ на вопрос Гитлера, возможна ли сейчас революция в США, Лудеке ответил, что возможна, если Новый курс президента Рузвельта потерпит крах и если американцы по-прежнему будут придерживаться политики изоляционизма, как бы ни развивались события в мире. В конце беседы он подчеркнул, что Германии необходимо установить с Америкой хорошие отношения. Мы увидим, что в 30-х годах в высказываниях Гитлера об этой стране часто будут проскальзывать идеи Лудеке.

Ганфштенгль, который виделся с Гитлером гораздо чаще, имел особенно тесные связи с Соединенными Штатами. Он был гостем Теодора Рузвельта, а в 1910 году познакомился с сенатором от штата Нью-Йорк Ф.Д. Рузвельтом. Во время Первой мировой войны он жил в Америке и вернулся в Германию в 1921 году. В своих мемуарах Ганфштенгль отмечал, что считал своим священным долгом убедить Гитлера в необходимости установления хороших отношений с морскими державами, в особенности с Соединенными Штатами. Как горячий поклонник морской геополитики адмирала Мэна, он был убежден, что «ни одна страна не сможет решить свои территориальные проблемы, если против этого решения будут возражать морские державы». Но Ганфштенгль обнаружил, что в мозгу фюрера прочно засели идеи Фридриха Великого и генерала фон Клаузевица о необходимости присоединения к Германии новых земель. «Ни Гитлер, ни его окружение и слышать не хотели о могуществе морских держав».

Что касается Гитлера, писал Ганфштенгль, то его «внешняя политика основывалась на ограничениях, которые налагает сухопутная война, и мне так и не удалось никого убедить в том, что Америка является неотъемлемым фактором европейской политики». Тем не менее он приложил много усилий к этому. В 1922 году он задал Гитлеру вопрос: «Почему мы проиграли войну?» На это Гитлер ответил: «Потому что в дело вмешалась Америка». – «Если ты признаешь это, – сказал Ганфштенгль, – значит, мы думаем одинаково, и это все, что тебе надо знать. Если начнется новая война, то победителем снова окажется тот, на чьей стороне будет Америка. Поэтому ты должен проводить политику дружбы с Соединенными Штатами». – «Да-да, – согласился Гитлер, – быть может, ты и прав». «Но, – заключает Ганфштенгль, – эта идея была для него столь непривычной, что он так и не смог ее переварить». Сражаясь за стратегическое мышление фюрера, Ганфштенгль чувствовал, что нажил себе врагов в лице Рудольфа Гесса, а позже и велеречивого расового мистика Альфреда Розенберга. Гесса он презирал сильнее всего, как сторонника идей генерала Карла Хаусхофера, который был ярким противником морской геополитики. «Как только я пытался влить в вены Гитлера хоть немного соленой воды, другие тут же ослепляли его пылью сухопутных дорог». Он считал, что Гитлер панически боится воды. «Гитлер был одержим, – повторял Ганфштенгль, – теми смешными предрассудками, которыми страдали недалекие пехотные командиры, и не способен был понять, что в мире должно сохраняться равновесие сил. Вместо этого он сосредоточился на междоусобных конфликтах чисто континентального характера».

Посидев в Ландсбергской тюрьме вместе с Гессом, Гитлер понял, что единственным союзником Германии за пределами Европы может быть только Япония. «Он просто выкинул Америку из головы, – писал Ганфштенгль. – Гитлер на самом деле не имел ничего против американцев. Он считал Америку частью еврейской проблемы, поскольку на Уолл-стрит всеми делами заправляли евреи. А раз Соединенными Штатами правят евреи, то он не мог относиться к этой стране серьезно. К тому же она находилась далеко и не являлась проблемой, требующей немедленного решения».

Таким образом, в 20-х и начале 30-х годов Гитлер получил кое-какие сведения об Америке и часть из них усвоил. Но, как правильно заметил Ганфштенгль, Соединенные Штаты не представляли для будущего канцлера проблемы, на которой нужно сосредоточить все свое внимание и пытаться решить сейчас же. Всем этим он займется позже.

В 30-х годах появился новый источник информации об Америке, пользовавшийся определенным доверием Гитлера, – это был немецкий писатель Колин Росс, рассказывавший в своих книгах о путешествиях, которые он совершил. Колин Росс объездил весь свет и опубликовал две книги о США: «Наша Америка» (1936) и «Американский час судьбы» (1937). Кроме того, под его именем появилась по крайней мере одна статья под названием «Америка становится мировой державой» (1939). В этих произведениях Росс создал образ Америки, суть которого он пояснил в личной беседе с фюрером, состоявшейся в 1940 году. Вполне возможно, что Гитлер читал его произведения. В своих книгах Росс описывает экономически сильную и политически честолюбивую Америку, но тем не менее уже старую и усталую; это была страна, которая «больше уже не ощущала себя новым миром». Пережив политическую (1776) и экономическую (1861) революции, американцы созрели для социально-расовой. «Национальная мировая революция, словно динамит, взорвет эту страну», – писал Колин Росс. Он считал, что сильная власть Рузвельта станет фундаментом для американской диктатуры.

В книге «Американский час судьбы» была нарисована сравнительно оптимистичная картина национал-социалистических перспектив в Америке. Статья, опубликованная в журнале «Цайтшрифт фюр геополитик» в 1939 году, отражала более трезвый взгляд на вещи. В ней Росс писал, что Америка одержима идеей немецкой угрозы и охвачена военным психозом, причем врагом номер один считается Германия. Амбиции американцев, писал он, заключаются ни больше ни меньше как в установлении господства над регионом, простирающимся от Северного полюса до Южного и от Гуама до Зеленого Мыса. В глазах Росса Соединенные Штаты были потенциально самой сильной державой в мире, и он считал, что Европа должна объединиться против них. В 1938 году Росс прислал в министерство иностранных дел несколько писем, в которых высказывал свое мнение об этой стране. В одном из них он, в частности, утверждал, что евреев и англосаксов заставляет выступать единым фронтом против Германии экономическая нестабильность. Решение проблемы он видел в том, чтобы попытаться пробудить в американских немцах чувство долга перед исторической родиной и объединить их, хотя и признавал, что выполнить эту задачу будет неимоверно трудно⁷.

Свою беседу с Гитлером в марте 1940 года Росс начал с сообщения о том, что во время судетского кризиса американцы надеялись, что европейские страны объявят Гитлеру войну, но, узнав, что те предпочли заключить с ним соглашение в Мюнхене, преисполнились «чувства отвращения к старой Европе», поэтому в настоящее время интерес американцев к европейским делам весьма невысок. Росс заявил, что во внешней политике США преобладает империалистическое стремление расширить сферу своего влияния. (В этом месте Гитлер спросил его, означает ли это, что Соединенные Штаты хотят присоединить к себе Канаду, на что Росс ответил, что Канада уже настолько американизировалась, что в этом нет никакой необходимости.) Потом Росс принялся анализировать причины современных антинемецких настроений в

⁷ Надо сказать, что министерство очень настороженно отнеслось к предложениям Росса.

Америке. Это печальное явление породили четыре фактора: во-первых, комплекс превосходства, присущий англосаксонской аристократии; во-вторых, «чудовищная власть евреев», которые с помощью клеветы и бойкота развязали невероятно успешную кампанию, направленную против всего немецкого; в-третьих, отсутствие в пронемецких кругах гражданского мужества, в результате чего они испугались экономического и социального давления, и, наконец, лучшее знание Англии и естественная привязанность к ней.

Когда речь зашла о Рузвельте, Росс охарактеризовал его как «отчаявшегося нациста», чья всепоглощающая ненависть к Гитлеру была порождена самой обыкновенной завистью и жадной властью. Потом Росс пустился в рассуждения о том, какую огромную роль сыграли в американской истории люди немецкого происхождения, и заявил, что очень многие американцы терпеть не могут евреев и это вселяет в него надежды на будущее. Все эти факторы могут быть использованы немецкой пропагандой, однако Росс отметил, что она должна в первую очередь поддерживать идею о том, что Германия не представляет никакой угрозы для стран Западного полушария и что главным врагом для Европы является Англия. Гитлер согласился с этим, а когда его гость ушел, заявил, что этот журналист – «очень умный человек, у которого много полезных идей». Но, как обычно, Гитлер отфильтровал в своем мозгу сведения, полученные от Лудеке, Ганфштенгля и Росса, и все, что не соответствовало его взглядам, отбросил. Тем не менее, как мы убедимся позже, в идеях этой троицы было много полезного. В Третьем рейхе, конечно, публиковались и другие статьи и книги об Америке, но у нас нет никаких сведений о том, какие из них читал Гитлер, да и читал ли вообще. В любом случае, за исключением умеренного и разумного анализа отдельных аспектов американской политики, который давался в специализированных журналах, большая часть авторов книг об Америке гонялась за дешевыми сенсациями или намеренно искажала истину в угоду национал-социалистической идеологии.

У нас нет никаких сведений о том, вел ли когда-нибудь Гитлер долгие разговоры об Америке с теми людьми из его окружения, которые кое-что знали о ней, например с президентом Рейхсбанка Ялмаром Шахтом⁸ или руководителем гитлерюгенда Балдуром фон Ширахом.

Не искал Гитлер и встречи с дипломатами, хорошо знавшими Соединенные Штаты, когда они приезжали в Берлин. Немецкий посол в Вашингтоне в первые месяцы правления нацистов доктор Фридрих фон Притвиц унд Гафрон писал, что, когда вернулся в Берлин, Гитлер задал ему всего лишь несколько незначительных вопросов об американском обществе. Его преемник, доктор Ганс Лютер, заявил в интервью газете «Нью-Йорк таймс», что «Гитлер проявил огромный интерес к Соединенным Штатам и попросил его дать полный отчет о своих впечатлениях об этой стране». Однако этому нет никаких подтверждений – Лютеру просто хотелось польстить американскому общественному мнению. Фриц Видеман, которого Гитлер знал со времен Первой мировой войны и которого назначил генеральным консулом в Сан-Франциско, приехав в отпуск, обнаружил, что у фюрера нет никакого желания говорить об Америке. Доктор Ганс Томсен, специально вызванный из Вашингтона, чтобы выполнять обязанности переводчика во время визита фюрера в Италию в 1937 году, рассказывал автору этой книги, что ни Гитлер, ни Риббентроп не задали ему ни единого вопроса о США⁹.

Что касается регулярных дипломатических докладов из Вашингтона, то о них мы поговорим в другой главе. Справедливости ради надо отметить, что депеши из Вашингтона, как и все источники подобного рода, не пользовались у Гитлера особым доверием.

⁸ Шахт предложил Гитлеру следующую идею: он (Шахт) отправится в Америку, чтобы лучше узнать, как обстоят там дела. Гитлер равнодушно согласился, но потом замаял этот вопрос.

⁹ Впрочем, в письме автору от 14 июля 1963 г. Томсен сообщил, что фюреру очень хотелось верить в маловероятную историю, рассказанную ему в присутствии генерального консула, что симпатии к национал-социалистам в Нью-Йорке так сильны, что таксисты, увидев, что пассажир собирается расплатиться с ними немецкими марками, неизменно произносили «Хайль Гитлер!».

Еще одним источником сведений об Америке была немецкая пресса. Однако, просматривая самые солидные журналы рейха, я заметил, что все статьи либо выставляют эту страну в карикатурном виде, либо искажают факты в угоду нацистской идеологии. Сотрудник министерства иностранных дел П.К. Шмидт охарактеризовал это явление следующим образом: «Гитлеру хотелось видеть Америку контролируемую евреями, стоящую на пороге социальной катастрофы и не способную вступить в войну, и ДНБ (Немецкое информационное агентство) печатало статьи, которые выставляли Америку именно в таком свете».

Обращаясь теперь к американским источникам информации, мы, вероятно, не погрешим против истины, если станем утверждать, что оба американских посла в Берлине Уильям Додд и Хью Вильсон не служили для Гитлера источниками сведений о своей стране. Они не встретили теплого приема как послы, а Додд к тому же вызывал у Гитлера особую неприязнь. Фюрер назвал его человеком «небольшого ума». Он говорил Ганфштенглю, что Додд «почти не говорит по-немецки и вообще не понимает, что к чему». Позже, в «Застольных разговорах», он отзывается о нем как о кретине. К Вильсону в Берлине относились лучше, однако нет никаких свидетельств о том, что он хотя бы раз во время своего недолгого срока пребывания послом подробно информировал фюрера о положении дел в своей стране.

Гитлер дал несколько интервью знаменитым американским журналистам, таким как Уильям Рэндольф Херст и Анна О'Харе-Маккормик, но во время этих интервью говорил в основном он сам. Гитлер ограничивался только самыми общими замечаниями о немецко-американских отношениях, слегка удивившись при этом, почему об этом вообще зашла речь. В число других американцев, с которыми Гитлер встречался в этот период, входят Т.Дж. Уотсон из «Интернэшнл бизнес машин», 1937 год, бывший президент США Герберт Гувер, 1938 год, В.Р. Дэвис, нефтяной магнат, 1939 год, Дж. Д. Муни из «Дженерал моторс» и помощник Государственного секретаря Самнер Уэлльс, 1940 год, а также бывший посол США в Брюсселе Кудай, 1941 год. Он встречался также с различными лидерами американских немцев, например с Якобом Шурманом, и с людьми, связанными с нацистским движением в Америке, Грантом Стоддардом и Фрицем Куном. В конце 30-х годов Геринг и Гесс представили Гитлеру нескольких американцев с сомнительными полномочиями. Однако свидетельств того, что его заинтересовало содержание разговора с ними, или того, что они произвели на фюрера большое впечатление, нет. Как обычно, во время беседы Гитлер больше говорил сам, чем слушал, хотя, вполне возможно, что он воспринял кое-какие обрывки информации, подтверждавшие его идеи.

Муни пытался объяснить ему, что Рузвельт человек умеренных взглядов. Кудай дал понять, что он (Кудай) считает политику Рузвельта «неправильной, абсолютно неверной», что Англия потеряла былую силу и что, хотя в Западном полушарии все боятся немецкой армии и даже опасаются ее вторжения в Америку, он надеется убедить американский народ, что победа Германии в Европе ничем ему не угрожает. Что касается беседы с Уэлльсом, то Гитлер писал Муссолини, что не узнал от него ничего нового и вообще не понимает, зачем явился к нему этот американец. Как отметил в феврале 1940 года в своем дневнике Ульрих фон Хассель, бывший немецкий посол в Риме: «Гитлер и американцы говорят на столь различных языках, что понимание между ними просто невозможно». Даже Стоддарт, который нарисовал Гитлеру розовую картину будущего нацизма в Америке, ушел от фюрера разочарованным, а о Гувере Гитлер высказался весьма кратко: «Мелкий человечешко – в нашей стране стоился бы только на то, чтобы занять должность местного партийного служаки».

Какая же картина Америки сформировалась у Гитлера на основе этой отрывочной информации и почти полного отсутствия интереса? Мы легко можем представить себе, что отношение к ней Гитлера как к капиталистической демократии, морской державе за пределами Европы, да к тому же многонациональной стране с мощной еврейской прослойкой было опу-

тано многочисленными предрассудками. Они были столь сильны, что фюрер не хотел считать Америку частью политического мира. Ганфштенгль был, вероятно, совершенно прав, когда утверждал, что американцы для Гитлера как нация не существовали. В письме автору доктор Томсен, который позже стал поверенным в делах немецкой миссии в Вашингтоне и присутствовал на заседаниях кабинета министров до 1936 года, писал: «Я не помню, чтобы Америка хотя бы раз стала темой обсуждения кабинета министров». Бывший консул генерал Видеман¹⁰ утверждал, что для Гитлера Америка не представляла никакого интереса. За исключением нескольких замечаний, сделанных Доддом о том, что Гитлер интересовался, как отнеслось к тому или иному событию американское общественное мнение, нет никаких свидетельств того, что Гитлер считал Соединенные Штаты политической силой, с которой надо считаться, по крайней мере до начала войны в Европе. Если он и упоминал их в разговоре, то только в качестве иллюстрации какого-нибудь общего положения.

Впрочем, в этом нет ничего удивительного, если вспомнить о том, что Гитлер считал кризисом величия нации. Он не находил в США ни расовых, ни культурных, ни духовных ценностей, которые, по его мнению, служили главными признаками здоровой нации. «Что такое Америка? – спрашивал он Ганфштенгля. – Это страна миллионеров, королей красоты, глупых пластинок и Голливуда». В 1942 году он не видел для американцев никакого будущего.

«Это страна, находящаяся в состоянии упадка, раздираемая на части расовым и социальным неравенством. Мне в тысячу раз больше нравится Европа. Америка вызывает у меня лишь ненависть и отвращение, полуеврейская-полунегритянская страна, где все основано на власти доллара».

«Американцы – заявлял он, – это люди с куриными мозгами. Эта страна – картонный домик, выстроенный на шатком основании материального благополучия. Американцы живут как свиньи, – добавлял он, – хотя и в очень роскошном свиномнике»¹¹.

Когда Раушнинг спросил его, возможна ли дружба между Германией и Америкой, Гитлер ответил: «О какой дружбе ты говоришь? О дружбе с еврейскими грабителями и толстосумами или с американским народом?» Гитлер, по-видимому, был искренне убежден, что американцы в буквальном смысле слова находятся в подчинении у евреев. Еврейская клика в американском правительстве и пресловутый еврейский контроль над прессой, радио и кино были излюбленными мишенями для гитлеровских насмешек. В 1938 году он назвал Америку страной «еврейских отбросов» и потом часто повторял эту мысль. А политика Соединенных Штатов представляет собой «гнусный, предсмертный бред продажной и изжившей себя системы, которая является позорным пятном в истории этого народа». После этого он пустился в рассуждения об американской истории. «После Гражданской войны, – заявил он, – в которой, вопреки всякой исторической логике и здравому смыслу, Север одержал победу над Югом, американская нация пребывает в состоянии политического упадка. Несмотря на кажущееся процветание экономики и политических учреждений, Америка все глубже и глубже увязает в болоте самоуничтожения».

В лице Америки, утверждал Гитлер, мы имеем пример нации, которая из-за своего расового вырождения лишилась стремления к самосохранению, которое он считал главным стремлением здорового общества. А пример с Гражданской войной демонстрирует привычку Гитлера вводить в политические монологи ссылки на исторические события и использовать их для подтверждения своего толкования современных событий.

Далее Гитлер сказал: «Прикрываясь разговорами о демократии, страной правят кучка толстосумов... массовая коррупция и продажные законы». Возвращаясь к теме Гражданской

¹⁰ Видеман пытался заинтересовать фюрера рассказами об американской архитектуре, надеясь вызвать тем самым интерес к жизни этой страны, но не преуспел в этом.

¹¹ По мнению Томсена, Гитлер считал американцев такими же тупыми, как и англичан (письмо Томсена автору от 14 июля 1963 г.).

войны, он выразил сожаление, что она уничтожила зачатки нового социального порядка, основанного на рабстве и неравенстве. «Но надежда еще не потеряна. В определенных слоях американского среднего класса и среди фермеров еще не угас боевой дух колониальных дней. И мы должны пробудить этот дух. Он еще не погиб окончательно». Гитлер связывает все свои надежды с той ненавистью, которую эти классы якобы питают к неграм и евреям, и заключает, что «только национал-социализм сможет освободить американский народ от правящей клики и вернуть ему средства, способные сделать эту нацию великой». Однако он не уточнял, будет ли возрождение американского народа сопровождаться теми же жестокими мерами, которые применялись немцами для установления нового порядка в Европе.

Единственное, что производило впечатление на Гитлера, – это достижения американской экономики, науки и архитектуры. Что касается архитектуры, то фюрер требовал от посольства в Америке, чтобы оно присылало ему фотографии американских архитектурных сооружений, особенно в Вашингтоне. Хорошо известен его интерес к автомобилям, который заставлял его восхищаться американской автомобильной промышленностью и ее живым символом, Генри Фордом. «Он создавал свои машины для широких масс, – заявил фюрер в интервью «Нью-Йорк таймс» в 1933 году. – Он больше всех сделал для уничтожения классовых различий». «Фольксваген» создавался в подражание Генри Форду¹².

В «Застольных беседах» фюрер признавал, что в области экономики Германия должна многому поучиться у США, и снова заявлял, что массовое производство и снижение цен на автомобили произвели на него особенно сильное впечатление. Но когда Гитлер заговорил о нестабильности американской экономики, его восхищение тут же угасло. В 1932 году он был искренне убежден, что Соединенные Штаты находятся на грани революции, и заявлял, что вызвать в Америке беспорядки, которые перерастут в революцию, – дело совсем не сложное. В 1940 году он высказал мысль, что так называемым благосостоянием в Америке пользуются только капиталисты. Удел же рабочих – нищета и безработица. Восхищение Гитлера не распространялось на сельское хозяйство. Основывая свою оценку на фильме «Гроздь гнева», он в 1943 году сообщил своим генералам, что «американские фермеры измотаны непосильным трудом, не имеют никакого пристанища и бродят по стране в поисках работы».

Помимо американского массового производства и архитектуры, Гитлер, очевидно, одобрял только отделение церкви от государства, закон, ограничивающий въезд в страну, принятый в 1924 году (этот закон он считал попыткой сохранения чистоты нордической расы), незначительное число голосов, подаваемых американцами за коммунистов¹³, и огромные размеры страны, которые были для него самым ярким доказательством того, что обширная территория является необходимым условием для национального могущества. В 1943 году он жаловался, что Америка, Восточная Азия и Россия захватили себе целые континенты. Причиной могущества Америки, говорил он своим генералам, «является не только численность населения, но и огромная территория этой страны».

Тем не менее ни массовое производство, ни архитектура, ни обширная территория не смогли перевесить в глазах Гитлера недостатки Америки. В 1941 году он говорил Муссолини: «Я бы ни за что на свете не согласился жить в такой стране, как Соединенные Штаты, где вся жизнь пронизана голым материализмом и где не любят самого высшего проявления человеческого духа – музыки».

На отношение Гитлера к Америке, несомненно, очень сильно повлияло его отношение к президенту Рузвельту, которое с течением времени сильно изменилось – от определенного одобрительного интереса до самой горячей ненависти. В своем интервью газете «Нью-Йорк

¹² Письмо Томсена автору от 14 июля 1963 г. Свое восхищение американской технологией Гитлер выражал уже в «Майн кампф».

¹³ По этому поводу он сказал Додду: «Счастливая страна! Ваш народ, похоже, понимает, что к чему».

таймс», опубликованном в июле 1933 года, Гитлер сказал: «Я испытываю к мистеру Рузвельту симпатию, поскольку он идет прямо к цели, не обращая внимания на конгресс, лоббистов и бюрократию». Гитлер объявил себя «единственным официальным лицом в Европе, которое способно понять методы и мотивы президента Рузвельта». Президент, по мнению фюрера, действовал исключительно в интересах американского народа, «как оно и должно быть».

Вполне возможно, что в первых мероприятиях Нового курса Рузвельта он усмотрел определенные параллели с политикой национал-социалистов. В 1934 году он послал Рузвельту письмо, в котором искренне восхищался его героическими усилиями по защите интересов американского народа: «Весь немецкий народ с интересом следит за вашей успешной битвой с экономической депрессией». Канцлер был согласен с мнением президента, что в народе должны преобладать такие добродетели, «как верность долгу, готовность к самопожертвованию и строжайшая дисциплина... это – основа немецкой государственной философии»¹⁴.

В 1938 году фюрер заявил послу Вильсону, что с интересом наблюдает за осуществлением Нового курса. Даже в 1940 году он говорил Дж. Д. Муни, представителю компании «Дженерал моторс», что искренне восхищается президентом Соединенных Штатов и был бы очень рад его переизбранию на следующий срок, поскольку Рузвельт, по его мнению, является единственным человеком, способным решить проблемы Америки. Гитлер был уверен, что они с Рузвельтом могли бы в конце концов договориться.

Однако эти заявления противоречат высказываниям Гитлера на совещании 1939 года, где фюрер назвал ФДР (Франклина Делано Рузвельта) «новым Вильсоном... поджигателем войны номер один... (который) хотел осчастливить мир, развязав беспрецедентную военную истерию». К 1941 году Гитлер, очевидно, уже соглашался в душе с точкой зрения Колина Росса о том, что все действия Рузвельта проистекают из чувства зависти к диктаторам Европы, которые, в отличие от него, сумели решить проблемы своих стран. Президент, как уверял Гитлер Муссолини, вне всякого сомнения, «одержим чувством зависти». В своей речи от 11 декабря 1941 года, в которой фюрер объявлял Америке войну, он поведал нации, как в нем в течение нескольких лет копился гнев на президента, «весьма недалекого человека, который любит поболтать у огонька, пока солдаты воюют в снегах». Потом Гитлер сравнил свою карьеру с карьерой Рузвельта: «Рузвельт был богат, я беден; Рузвельт во время мировой войны занимался бизнесом, я проливал кровь; Рузвельт спекуляциями нажил миллионы, пока я лежал в госпитале; Рузвельт опирался на поддержку капиталистов, а я – народа».

И только одно было у них общим: «Мы оба приняли страну, находившуюся в состоянии кризиса, до которого довела ее капиталистическая демократия». От критики национал-социализма, с которой выступал Рузвельт, Гитлер просто отмахнулся. «То, что он называет меня гангстером, меня не трогает. Рузвельт не может оскорбить меня, поскольку я считаю его сумасшедшим, как и Вильсона».

Поэтому нет ничего удивительного в том, что вступление Америки в войну фюрер объяснял манипуляциями Рузвельта. Президенту нужна была война, чтобы отвлечь внимание народа от провала своего Нового курса, «крупнейшей неудачи, которая когда-либо выпадала на долю человека», как выразился Гитлер. Единственно приемлемым решением для Рузвельта стало перенесение внимания народа с внутренней политики на внешнюю. «Но, как только он попытался это сделать, на него навалилась вся эта дьявольская свора евреев, и он поднял вверх руки. Но как это могло случиться? Он начал создавать поводы для недовольства. Он хотел, чтобы где-нибудь в мире, лучше всего в Европе, вспыхнул военный конфликт, и тогда нарушение экономических интересов США одной из воюющих сторон дало бы ему повод всту-

¹⁴ Письмо Гитлера к Рузвельту от 28 марта 1934 года. Государственный секретарь Соединенных Штатов Халл вовсе не был в восторге от того, что у Нового курса появились подобные сторонники. Он отмечал, что это послание не было предано гласности.

пить в войну». После этого Гитлер дал характеристику этапов этого курса. «Особенно подлой» он назвал «карантинную речь» 1937 года. В ней Рузвельт грозил ввести экономические санкции и говорил о «мерах по предотвращению войны». Все предложения Рузвельта, направленные на ослабление напряженности, Гитлер называл «уродливым сочетанием географического и политического невежества». Отказ от политики нейтралитета и признание правительств в изгнании были частью «методического сползания к войне». Таким образом, действия Америки только лишней раз продемонстрировали миру расовый упадок, слабость демократии, еврейские интриги и антинемецкий заговор, который возглавил Франклин Рузвельт. «Он подстрекает народ к войне, фальсифицирует факты, рядится в тогу христианской добродетели и медленно, но верно ведет человечество к войне... Политика Рузвельта, – заключал Гитлер, – это политика мирового господства и диктатуры».

Когда Америка вступила в войну, тон обличительных речей Гитлера стал еще более гневным. Во всех несчастьях, которые обрушились на мир, был, оказывается, виноват один Рузвельт. В застольных разговорах фюрер называет его «лживым еврейским клязником», «сумасшедшим, который несет на пресс-конференциях внушенный евреями бред»¹⁵.

Фюрер заявил Геббельсу, что считает Рузвельта одним из самых главных врагов цивилизации. Нападение на Пёрл-Харбор («при известии о котором все добропорядочные люди испытали чувство удовлетворения») Гитлер расценил как достойный ответ «на наглые провокации этого безумца». «Не надо понапрасну тратить слова, – писал он в «Фелькишер беобахтер» позже, в 1942 году, – чтобы опровергнуть лживые заявления этого старого мошенника. Он, несомненно, является главарем всей этой шайки бандитов, с которой мы воюем». И наконец, фюрер предрек президенту США бесславный конец. «На следующий срок его не переизберут, – заявлял он в 1943 году своим генералам, – а через шесть месяцев отдадут под суд... его преемник объявит его преступником. Это произойдет потому, что американцам надо будет свалить на кого-нибудь вину, а свалить-то больше не на кого». Гитлера охватила безумная радость при известии о смерти Рузвельта, он был искренне убежден, что американского президента прибрал Бог, чтобы дать ему возможность в апреле 1945 года победоносно завершить войну («теперь, когда судьба убрала с нашего пути крупнейшего военного преступника всех времен»), и это лучше всего характеризует отношение Гитлера к Рузвельту.

¹⁵ Не пощадил Гитлер и жену президента, назвав ее «самой настоящей негритянкой по внешнему виду».

Глава 2

Гитлер и Америка как мировая держава

Имея такое убогое представление об Америке, мог ли Гитлер допустить, что она способна играть важную роль в мировых делах? Его высказывания об Америке говорят, что он готов был полностью списать ее со счетов. Его заявления по поводу внешней политики этой страны, хотя подчас и противоречат друг другу, полностью отражают его пренебрежительное отношение к Соединенным Штатам. Этим-то и объясняются растерянность и гнев, которые охватили Гитлера, когда он понял, что, вопреки всем его ожиданиям, Америка в годы, предшествовавшие войне, превратилась в очень важный фактор мировой политики.

Америка, по мнению фюрера, стала мировой державой благодаря Первой мировой войне. Однако оценка роли Соединенных Штатов в этой войне с годами претерпела большие изменения – от признания существенного вклада этой страны в победу до полного его отрицания. Сохранилось письмо Гитлера от 1919 года, в котором он заявлял, что Соединенные Штаты, как «страна богачей, просто обязаны были вступить в войну», и утверждал, что львиная доля заслуг в победе принадлежит именно им. Во «Второй книге»¹⁶ он делает вывод, что именно война превратила Америку в великую державу.

Конечно, он никак не хотел признавать, что вступить в войну Америку заставили соображения нравственности или идеи высокого порядка; не признавал он и тех последствий, которые этот шаг имел для развития военных действий. «Все идеалистические заявления на этот счет со стороны американцев, – писал он в 1923 году, – были лишь смесью лжи и подлогов». Дело заключалось в том, что «великий миролюбивый американский народ» оказался втянутым в войну бунтовщиками и журналистами, которых направляли, разумеется, все те же евреи. Все это было доказано, заявил он в 1939 году, расследованием сенатора Найя.

В 30-х годах Гитлер насмеялся над американской армией. В 1932 году он заявил Раушнингу, что Соединенные Штаты не представляют для противника никакой опасности.

«Американцы вели себя как мальчишки, они бежали под огонь вражеских солдат, как молодые кролики. Американец воевать не умеет. Неполноценность и вырождение этой молодой страны, как называют ее сами американцы, особенно явно проявились в ее военной несостоятельности».

Та же самая мысль повторяется и в застольных разговорах. Основываясь на своем военном опыте, Гитлер уверял слушателей, что никогда не поверит, что американский солдат может «сражаться как герой». В 1941 году он говорил японскому послу Ошиму, что американцы в 1918 году совсем не умели воевать. «Да и могут ли люди, поклоняющиеся доллару, стоять до конца?»

Со все возрастающей силой Гитлер обрушивал огонь своей критики на Вильсона, которого считал предшественником Рузвельта в недостойных делах. В 1935 году он назвал четырнадцать пунктов этого президента чистой воды мошенничеством. «Где же сегодня эти четырнадцать пунктов Вильсона?» – спрашивал он. «Идеи президента Соединенных Штатов, – говорил он в 1936 году, – коснулись ушей человечества подобно дуновению весны. Он обещал, что наступят новые времена и мир станет лучше». И все эти идеи были преданы, причем преданы страной, которая, как выразился Гитлер в рейхстаге в январе 1937 года, напала на Германию, помогавшую ей в Войне за независимость. В 1939 году Вильсону досталось и за потерянные Германией колонии. «Против Германии было совершено самое ужасное преступление, которое только можно себе представить... равные права, мир без возмездия, открытая диплома-

¹⁶ Так называемая «Вторая книга» была написана Гитлером, вероятно, в 1928 г., но при его жизни никогда не публиковалась. Она была обнаружена после Второй мировой войны.

тия, равное право на владение колониями превратились в шантаж, грабеж и вымогательство». В газете «Фёлькишер беобахтер» фюрер вспоминал: «Четыре года наши враги не могли нас победить, пока, наконец, не нашли американского врача, который подсказал им, как обмануть немецкий народ». «История, – заявлял он через месяц после объявления войны Америке, – уже вынесла Вильсону свой приговор, его имя стало символом самого подлого предательства». Все понимали, что эти грозные тирады были направлены не столько против Вильсона, сколько против политики администрации Рузвельта в годы, предшествовавшие Пёрл-Харбору. «Президент Рузвельт поступил бы благородно, – заявил Гитлер в речи перед рейхстагом в 1939 году, – если бы выполнил обещания, данные президентом Вудро Вильсоном». И наконец, в 1943 году он сказал, что с 1918 года «обещания американского президента для немецкого народа весят не больше, чем для американского, – иными словами, ничего». Здесь роль Америки в обеих войнах была конечно же охарактеризована как один большой, непрерывный, коварный заговор.

Так Гитлер оценивал вмешательство Америки в Первую мировую войну. Но какую же роль отводил он ей в период между двумя войнами? В работах Гитлера имеется только одно пространное исследование Соединенных Штатов как важного фактора международной политики, и содержится оно во «Второй книге»¹⁷.

Во «Второй книге» Гитлер признавал, что Америка, как очень сильная в экономическом отношении страна, играет важную роль в международных отношениях, – правда, эту мысль он больше нигде не повторял. Впрочем, это заявление вовсе не свидетельствует о том, что у Гитлера вдруг пробудился интерес к этой стране, – мысль о значении Америки для международной политики была высказана им, когда он говорил о европейских проблемах и возможных способах их решения. («Никакой пограничной политики, никакой экономической политики, никакой Пан-Европы».)

¹⁷ Исследование роли Америки, приводимое в этой книге, – единственное новое добавление к его хорошо известным теориям в области внешней политики. В остальном «Вторая книга» представляет собой изложение идей, высказанных фюрером еще в «Майн кампф», например о необходимости союза с Италией и неизбежности войны с Россией.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.